

— Ты кем себя возомнил, чтобы ручаться за дела Юньинь? — Жун Тянь, опустив голову, взглянул на коленопреклонённого у его ног Ле-эра, в его глазах отражались мрачные мысли, давая как Фэн Мину, так и его слугам понять, что надвигается беда. Фэн Мин покашлял и как раз собирался сказать пару слов, помогая Ле-эру оправдаться, но Жун Тянь, уже предугадав, что юноша намерен сказать, властно махнул рукой и холодно проговорил: — Фэн Мин, следуй за мной. — И указал в сторону опочивальни.

Жун Тянь, обнажив императорскую мощь, даже душу Фэн Мина вверг в смятение.

Двое мужчин в удушливом молчании прошли в опочивальню, Жун Тянь запер дверь, повернулся и, смерив взглядом Фэн Мина, который уже готов был встретить врага во всеоружии, изменился в лице: холод, что был до этого, неожиданно сменился теплом, а сам мужчина обнажил мягкую, словно весенний ветер, и слегка победоносную улыбку:

— Кажется, даже ты попался на крючок.

Фэн Мин внезапно остолбенел, открыл рот, желая уже что-то спросить, как Жун Тянь начал объяснять:

— Общее положение хоть кажется спокойным, однако все страны тайком продумывают свои стратегии. Из-за того, что равновесие сил между Ли и Силэй было нарушено и повод объединения Поднебесной уже раскрыт, приезд Мяо Гуан можно рассматривать как предвестник сильной бури.

Мужчина говорил с серьёзным видом, а Фэн Мин, конечно же, с серьёзным видом его слушал. Спустя долгое время юноша сделал вид, словно его внезапно осенило, после, почесав затылок, в недоумении спросил:

— Как это связано с Ле-эром?

Жун Тянь, находя это забавным, сел на стул, крепко обнял Фэн Мина за талию, усадил на бедро и, прикусив ушко юноши, сказал:

— Князь Мин только что сближался с той опасной женщиной, Мяо Гуан, позволь мне проверить тело и убедиться, цел ли ты и невредим... Ай! Тяжёлая же у тебя рука... — Немного растерев место, куда пришёлся локоть Фэн Мина, и тотчас же сдаваясь в плен возлюбленного, молодой мужчина проговорил: — Проблема с Ле-эром крайне непростая, у него лучше всего получается скрываться, и, конечно же, его нужно использовать там, где в нём больше всего нуждаются.

— Ты хочешь отправить Ле-эра скрываться в Юньинь? — На этот раз юношу действительно внезапно осенило, кивнув, он ненадолго задумался и, нахмурив брови, сказал: — Лучше бы сказал прямо, зачем запугивать Ле-эра? Его да и любые другие страдания приносят мне беспокойство.

— Ты не сразу поймёшь. Главный навык императора — управлять людьми, к тому же крайне необходимо мастерски им владеть, чтобы заставить слугу полностью признать правоту императора.

Заметив, что Жун Тянь вновь начал его интриговать, Фэн Мин уже было хотел ещё раз ударить мужчину локтем, однако, обернувшись и увидев кривую улыбку уверенного в себе [1], талантливого и очаровательного Жун Тяня, невольно убрал локоть, вздохнул в восхищении и, прижавшись к губам императора Силэй, позволил вдоволь насладиться собой.

Долгое время пребывая в растерянных от любви чувствах и с большим трудом отстранившись, Фэн Мин уже задышался и тогда, лениво обняв Жун Тяня за шею, упал в объятия мужчины и прошептал:

— Продолжай говорить.

Жун Тянь уже немного «отведал» прекрасного Фэн Мина. Хоть он и недостаточно насытился, но также понимал, что нельзя слишком жадничать, и терпеливо разъяснил:

— Если хотим объединить всю Поднебесную, то нет ничего лучше, чем начать с Юнъинь. У императора Юнъинь есть три сына, среди которых лишь наследный принц крайне сметлив и дальновиден.

— Их наследный принц испытывает к Ле-эру давнюю любовь, и Ле-эр действительно отличная кандидатура, чтобы воздействовать на него. — Фэн Мин, поставив себя на место другого, начал анализировать: — Возможно, Ле-эр тоже испытывает искренние чувства по отношению к наследному принцу Юн И, но если бы Ле-эру было приказано навредить ему, наследному принцу, то последний обошёлся бы с ним крайне жестоко.

Чем больше он думал над этим вопросом, тем озабоченнее становился. Ну а когда рядом Жун Тянь, Фэн Мин, как нарочно строя из себя дурака, стал наблюдать за мужчиной, желая, чтобы тот скорее позаботился о решении этой создавшейся проблемы.

Жун Тянь, обнимая юношу и находясь в приподнятом настроении, неспешно сказал со смехом:

— Сегодня позволь мне научить тебя, как нужно управлять людьми? — Мужчина поглядел на простирающееся за окном небо. — Мы долго пробыли здесь, позволив Ле-эру вдоволь натерпеться страха. — Поднявшись на ноги, Жун Тянь приблизился к Фэн Мину и прошептал на ушко: — Запомни: когда выйдем отсюда, сделайся мрачным, чем больше строгости, тем лучше. — И мужчина, потянув за собой юношу, который по-прежнему пребывал в смятении, вышел из опочивальни.

Мужчины вышли в гостиную и увидели, что не только Ле-эр, но и даже Цю Лань и Цю Син опустились на колени, с трепетом ожидая, когда Жун Тянь и Фэн Мин выйдут к ним. Слуги, услышав звук шагов, не осмелились поднять головы, только склонились, даже атмосфера была

удушающей.

Фэн Мин только сейчас понял, насколько сильно могущество Жун Тяня: один лишь взгляд и мрачное выражение лица так пугали, что душа вылетела из тел не боящихся ни неба, ни земли [2] «маленьких обезьянок».

Жун Тянь величественно [3] сел в гостиной. Мужчина не торопился говорить, сначала взял со стола прохладный чай, сделал глоток и острым взглядом неторопливо обвёл собравшихся в гостиной слуг, в итоге остановив взгляд на покрывшемся холодным потом Ле-эре, проговорил неожиданно тёплым тоном:

— Ле-эр, поднимись с колен.

Ле-эр, внезапно услышав своё имя, вздрогнул и ещё ниже опустил голову:

— Ле-эр не осмелится, Ле-эр знает, что виноват и просит государя наказать его.

Жун Тянь спокойно спросил:

— И что ты сделал?

— Ле-эр вёл себя высокомерно, самовольно наговорил глупостей про военное и государственное дело и не должен был касаться Юньинь. — Ле-эр наклонился к земле, не осмеливаясь бросать взгляды украдкой на Жун Тяня, от молчания которого сердце забилось быстрее; юноша так нервничал, что едва не разразился горькими слезами, царапая ногтями полированную светлую напольную плитку, и ещё неувереннее дрожащим голосом проговорил: — Ле-эр заслуживает смерти, так как прекрасно знал, что это недопустимо, но всё же взял и тайно стал переписываться с наследным принцем Юньинь. Ле-эр... Ле-эр не оправдал доверие государя, прошу государя осудить Ле-эра.

Жун Ху, Цю Лань и другие слуги склонились, не смея вымолвить и слова, в гостиной звучал эхом лишь повинный голос Ле-эра. Фэн Мин, не в силах больше смотреть на подобное, воспользовался тем, что слуги стояли на коленях, опустив головы, и отчаянно жестами велел Жун Тяню не заходить слишком далеко.

Жун Тянь неторопливо и по-прежнему мягко спросил, опустив голову:

— Ле-эр в замешательстве?

Ле-эр, придерживая руками верхнюю часть тела, непрерывно дрожал:

— Ле-эр заслуживает смерти, Ле-эр больше никогда не встретится с ним и больше никогда не

будет читать его писем... — С этими словами с ресниц сорвалась слезинка и, упав на напольную плитку, разлетелась на несколько капелек.

У Фэн Мина сердце разрывалось на части от увиденного, больше не в силах терпеть, юноша сделал шаг вперёд, но не успел дойти до Ле-эра, как его уже опередили и бережно подняли слугу с колен.

Жун Тянь лично помог Ле-эру подняться и, глядя на его красные глаза и на до сих пор закушенную нижнюю губу, не осмелился повышать голос. Подняв рукав платья, мужчина смахнул с лица Ле-эра слёзы и со вздохом сказал:

— И чего плакать, ты с самого детства следовал за мной, и сейчас впервые вижу, чтобы ты так плакал. Встретить и полюбить кого-то вполне естественно, что порицательного в чувствах? — Говоря это, мужчина бросил взгляд на стоящего в стороне Фэн Мина, который смотрел на всё это, вытаращив глаза, отчего на губах Жун Тяня появилась лёгкая, но наполненная счастьем улыбка.

Ле-эр, от неожиданно чуткой заботы со стороны Жун Тяня, растрогался и ещё больше разразился слезами. Громко всхлипывая и жалобно плача, проговорил:

— Ваше Величество, Ле-эр... Ле-эр виноват перед государем... — Разумеется, юноша понимал, что влюбляться в наследного принца Юньинь, который к тому же будущий политический противник Жун Тяня, крайне неправильно.

Жун Тянь с улыбкой медленно покачал головой, после чего, приняв строгий вид, сказал:

— Ты не виноват перед нынешним императором, это нынешний император неизбежно будет виноват перед тобой. Ле-эр, как ты можешь ставить императора в такое затруднительное положение? — Окинув взглядом по-прежнему коленопреклонённых слуг, мужчина, понизив тон, приказал: — Поднимитесь с колен!

Цю Лань и остальные слуги, поблагодарив за милость, поднялись с колен, однако никто из них не осмеливался произнести хотя бы слово, все так же стояли на месте, соблюдая правила и опустив головы, и ждали дальнейших распоряжений. А Фэн Мин невольно задумался: «По-видимому, действительно выгляжу немного сурово, раз Цю Син и Цю Юэ, эти малышки, когда так скромно стояли передо мной? Как-нибудь нужно попросить Жун Тяня научить меня, чтобы также запугивать их».

Поразмыслив ещё раз, юноша заметил, что служанки действительно сильно запуганы, и определённо сказал себе, что нет ничего безжалостнее и хуже, чем думать о подобном.

Пока он бросался от одной мысли к другой, Жун Тянь уже начал применять свою тактику по отношению к Ле-эру.

— Кроме князя Мина, ещё никто не осмелился ставить нынешнего императора в такое неловкое положение. — Жун Тянь тоскливо нахмурил брови. — Юнъинь находится между Ли и Силэй, и если Силэй в будущем станет объединять Поднебесную, то Юнъинь первым окажется под ударом. Неужели действительно настанет тот день, когда нынешний император захочет своими руками уничтожить того, кто тебе дорог?

От услышанного Ле-эр побледнел, он с детства следовал за Жун Тянем и прекрасно знал его идеалы и на что способен император Силэй. Хоть наследник престола Юнъинь не являлся простым человеком, однако у него не было никаких шансов победить императора Силэй, если бы им пришлось сразиться. Юноша с печалью в голосе спросил:

— Государь, в конце концов, не способен сохранить ему жизнь?

Жун Тянь вздохнул:

— Дело не в том, что не способен сохранить ему жизнь, а в том, что нельзя сохранять жизнь вражескому государю. Если сохранить правителю жизнь, народ будет, питая надежду, сопротивляться. Чтобы меньше было кровопролития, остаётся только пожертвовать жизнью государя.

Фэн Мин, наблюдая за умением Жун Тяня правильно продвигаться и маневрировать, заставляя Ле-эра страдать и быть в смятении, не мог не восхититься.

По правде говоря, Жун Тянь использовал метод нарочитого поддразнивания, не больше. Если этот метод увенчается успехом, то не только сможет сохранить Ле-эру благосклонность судьбы, сверх того Силэй, почти не окропив меч кровью [4], завоюет Юнъинь.

Государство Юнъинь всегда было союзником Силэй, и в решающем бою с государством Ли Юнъинь протянуло руку помощи Силэй. Однако при объединении Поднебесной все дружеские отношения оказываются бесполезными.

Горький вкус безнадежности всё больше оседал в сердце Фэн Мина. Сам же юноша несколько раз вздохнул и, посмотрев на потерявшего всякую надежду Ле-эра, понимая, что ему, Фэн Мину, отведена ключевая роль, утешающе похлопал Ле-эра по плечу, словно желая приободрить, улыбнулся и, обернувшись к Жун Тяню, начал обсуждать:

— Ты сделал Ле-эра моим телохранителем, а значит, его счастье — это и моё счастье тоже, и тебе никоим образом нельзя разрушить его. — Вытянув руки и препятствуя Ле-эру открыть рот, юноша пристально поглядел на Жун Тяня и холодно спросил: — Скажи мне: если наследник престола Юнъинь не станет императором, то ты, после того как получишь Юнъинь, как распорядишься жизнью Юн И?

— Если без государя другие члены царствующего дома будут вести себя спокойно, то смогут сохранить свои привилегии, только им необходимо поклясться служить верой и правдой

нынешнему императору.

— Разве это не пойдёт? — Фэн Мин, посмотрев на Ле-эра, спокойно улыбнулся: — Быть обречённым на смерть императором или быть по-прежнему уважаемым и счастливым человеком — Ле-эр, от имени своего возлюбленного, сделай выбор.

Светлый душою Ле-эр, охваченный отчаянием, увидел проблеск надежды. Сразу всё поняв и обнажив в глазах неописуемую признательность, юноша, опустившись на колени перед Жун Тянем, стал кланяться, громко говоря:

— Прошу государя позволить Ле-эру уехать в Юнъинь. У императора Юнъинь есть три сына, двое из них уже давно смотрят хищно на место наследного принца, как тигры на добычу. Если только Ле-эр применит несколько хитрых приёмов, то непременно сможет сделать так, чтобы пострадали они оба, а также наведёт смуту внутри государства.

Жун Тянь тепло проговорил:

— Второй и третий сыны императора вовсе не наследники престола, кроме того, этого будет недостаточно, чтобы поднять смуту в Юнъинь.

— Пусть государь не беспокоится, Ле-эр сделает так, что наследный принц Юнъинь, совершив несколько незначительных, но в то же время серьёзных ошибок, утратит благосклонность императора Юнъинь, и тот свергнет его с места наследника престола. Как только император издаст указ о переизбрании наследного принца, второму и третьему принцам выпадет шанс учинить смуту, и они этим шансом непременно воспользуются.

— Хорошо, ты, следуя за мной с самого детства, стал достойным человеком. — Жун Тянь смело рассмеялся, позволяя смеху вырваться за пределы комнаты. Отсмеявшись, Жун Тянь, держа Ле-эра за плечи, мягко проговорил: — Если он осмелится поминутно менять своё мнение [5], то нынешний император вместо тебя рассечёт его на множество кусков. — Не дожидаясь, пока Ле-эр откроет рот, Жун Тянь изменился в лице, став серьёзным: — Поскольку ты переписывался с наследным принцем Юнъинь, нарушая запрет нынешнего императора Силэй, то подвергаешься изгнанию и с этих пор всем сердцем и всеми помыслами заботишься о своём счастье, не беспокоясь о нынешнем императоре. Что ж, настал день прощаться, живи собственной жизнью, вне стен дворца.

Ле-эр услышал лишь половину слов Жун Тяня, а в его носу уже защипало, и, задыхаясь от слёз, юноша произнёс:

— Государь...

— Запомни: не позволяй ему влезать в дела государства, пусть побольше наслаждается красотами природы, воспитывает в себе характер. Чем дальше Юн И будет от императорской власти, тем безопаснее будет для него. — Жун Тянь хрипло произнёс: — Не нужно плакать, в

свою очередь, нужно быть осторожным. Иди.

И с силой вытолкнул спотыкающегося Ле-эра из гостиной.

Находящаяся снаружи охрана, услышав звуки, наперебой подроспела и, увидев стоящего за дверью юношу, растерянного, с поникшей головой и со следами от слёз на лице, не могла понять истинной причины и что с Ле-эром случилось.

Из-за двери гостиной мелькнула тень, ведущая за собой как Фэн Мина, так и его слуг. Жун Тянь вышел из гостиной и, поглядев на юношу, холодно проговорил:

— Сегодня ты тайно ведёшь связь и переписываешься с наследным принцем Юнъинь, а завтра нельзя поручится, что с кем-нибудь из Ли ты также не вступишь в сговор и не начнёшь слать письма. Нынешнему императору ни к чему держать при себе непостоянных людей.

Понизив тон, мужчина спросил:

— Где Дунлин?

Императорский телохранитель Цзунчан Дунлин как раз находился за гостиной комнатой, делая обход, и, услышав шорохи, посчитал, что возникло какое-то дело, и спешно подроспел. Также спешно оттолкнув охранников, мужчина вышел вперёд и, ожидая приказа, проговорил:

— Ваш слуга здесь.

— С сегодняшнего дня Ле-эр разжалован в простолюдины и не имеет права входить в императорский дворец. Передай распоряжение каждому министру: нельзя предоставлять ему приют.

Ле-эр в отчаянии крикнул:

— Ваше Величество.... — И горячие слёзы вновь потекли по лицу.

Фэн Мин и его слуги прекрасно понимали, что юноша тронут заботой Жун Тяня. Дунлин же, не понимая, в чём истинная причина, полный сочувствия, посмотрел на Ле-эра и шёпотом сказал:

— Государь уже издал указ, следуй за мной к выходу. — Мужчина махнул рукой, призывая к себе двух охранников, которые тотчас же взяли под руки не желающего уходить Ле-эра.

Фэн Мин, глядя на исчезающий вдаль молчаливый силуэт юноши, вытянул шею, становясь выше, и смотрел обессиленно до тех пор, пока тень бывшего слуги не скрылась из виду. После

в растерянности отвёл взгляд, душу охватило тягостное чувство, от которого он чуть не разразился горькими слезами. Всё также пребывая в растерянности, юноша сделал шаг вперёд к воротам, однако поясницу крепко стиснули, ноги внезапно оторвались от земли, а самого князя прижали к до боли знакомой груди.

Жун Тянь нежно проговорил:

— Не нужно переживать, во всяком случае, Ле-эр должен был пойти своим путём. Неужели ты хочешь, чтобы Ле-эр на протяжении всей жизни томился во дворце, охраняя тебя, и тайно с удручённым видом тосковал о своём наследном принце Юн И?

Фэн Мин подумал, что Жун Тянь прав: учитывая характер Ле-эра, то не выпади ему удобный случай, юноша всю жизнь провёл бы возле Фэн Мина, не в силах покинуть господина и не смея требовать отпустить его, Ле-эра, к своему возлюбленному.

То есть в будущем Цю Лань, Цю Син, Цю Юэ и Жун Ху, разве они, встретив любимого человека, не покинут господина? Представив пустой дворец наследного принца, Фэн Мин внезапно вздрогнул от холода и, находясь в объятиях Жун Тяня, поднял голову и поглядел на своих слуг.

Цю Юэ, как раз стоявшая позади Жун Тяня, спешно потёрла глаза, которые от слёз были красными, как у зайчика, и спросила:

— Князь Мин хочет чаю?

— Не-не... нет... — Фэн Мин, взглянув на Цю Юэ и остальных рядом стоящих слуг, вздохнул с облегчением и пробормотал: — Всё хорошо.

Слова ещё не стихли, а Жун Тянь, всё так же держа Фэн Мина в объятиях, уже перешагнул порог гостиной и направился во внутренние покои.

— Куда мы идём?

— Князь Мин только что говорил Ле-эру: «Твоё счастье — это и моё счастье тоже». Нынешний император считает, что в этой фразе есть над чем подумать. — Жун Тянь, с лёгкостью держа на руках Фэн Мина, перешагнул через порог ворот и неторопливо произнёс: — Если счастье Ле-эра — это счастье и самого князя Мина, то что же делать со счастьем нынешнего императора? Мы закроем двери комнаты и только тогда обсудим всё по порядку. — Толкнув дверь носком сапога из бычьей кожи, мужчина вошёл в комнату и тотчас же затворил её.

— Жун Тянь... небо ещё не стемнело!

— Кстати, пользуясь тем, что «небо ещё не стемнело», нынешний император и князь Мин будут долго обсуждать дела и крайне детально.

— У-ум... Ты такой распутник!

— Ах, кто бы мог подумать, что князь Мин раскроет истинную сущность нынешнего императора, которому только и останется, что прикрыть смущение вспышкой гнева. Цэ-цэ, этой идиоме меня также научил князь Мин.

Услышав эти слова, даже плачущая до этого Цю Син, у которой сейчас были красные глаза, не удержалась и, прыснув от смеха, прошептала:

— Через какое-то мгновение князь Мин закричит «спасите-помогите!».

— Спасите! Помогите! — из комнаты донёлся яростный крик Фэн Мина.

Стоявшие за дверью слуги обменялись растерянными взглядами и внезапно разразились смехом, потирая красные от слёз глаза. Расстроенные чувства из-за ухода Ле-эра наконец-то понемногу улеглись.

Цю Лань похлопала по груди:

— Ле-эр уехал, теперь не стоит больше переживать о том, что кто-то может тайком съесть мой только что приготовленный димсам.

— И никто не будет говорить, что я толстая.

— Однако, когда платочек ветром занесёт на дерево, кого звать, чтобы сняли его? — с удручённым видом сказала Цю Юэ.

Цю Син утешающе проговорила:

— Но ведь есть ещё Жун Ху. — И девушка розовыми губами указала в сторону старшего брата Ле-эра.

Золотые лучи нависшего над головой яркого солнца струились с ветвей, покрытых листвой, и нежно грели дорогу, которая была вымощена гравием. Жун Ху, глядя вдаль, на голубое небо, растроганно проговорил:

— Никто не способен на самом деле покинуть государя и князя Мина, Ле-эр будет крайне счастлив, только находясь рядом с государем и князем Мином.

Доносящиеся из комнаты крики «спасите-помогите» уже стихли, и стали раздаваться нежные, словно лёгкое журчание воды, стоны, вызывая румянец и заставляя сердце забиться быстрее.

Стоны, смешавшись в нежные оттенки с лёгким порывом ветра, что проскользнул в комнату, окрашивали сердца слуг.

Жун Ху, который, закрыв глаза, с наслаждением прислушивался, внезапно открыл их, и, заметив, что Цю Лань, Цю Юэ и Цю Син, округлив чёрные, наполненные коварством глаза, смотрят на него, залился румянцем. Сдерживая желание убежать прочь, юноша предпочёл беззастенчиво поднять голову:

— Что смотрите? Ле-эр ушёл, ответственность за охрану теперь лежит на мне, и, естественно, теперь нужно всегда следить за каждым действием господина и князя Мина.

Три девушки смотрели на юношу, ещё больше округлив глаза и словно изумляясь, с какой восхитительной скоростью наглеет Жун Ху.

Жун Ху и впрямь не смог больше выдержать и искренне признался:

— Я постепенно привык слушать их и действительно считаю, что князь Мин вместе с государем издаёт самые привлекательные и мелодичные стоны во всей Поднебесной. Там в комнате находятся счастливые любовники, доверяющие друг другу, ах, лишь услышу их мелодию страсти, тотчас же душу охватывает спокойствие.

Три служанки, обменявшись растерянными взглядами, в итоге вновь поглядели на Жун Ху.

— Ха-ха, ха-ха! - громогласный хохот разразился снаружи опочивальни.

В комнате изысканно сотканная дорогая одежда беспорядочно была раскидана по полу, а высочайшая императорская тиара государя Силэй, при «ожесточённом поединке» двух молодых мужчин, была пинком сброшена на ковёр и лежала у ножки кровати.

— Ха... — Обессиленный Фэн Мин, высунув голову из-под шёлкового одеяла, наострил уши: — Чего это они там смеются?

Жун Тянь тоже высунулся из-под одеяла и, поймав ретировавшегося любовника, сказал то, что было на языке:

— Ах, они осмелились потревожить хорошее настроение князя Мина, завтра обязательно устрою им выговор.

Фэн Мин от раздражения закатил глаза:

— А по-моему, это потревожило лишь зверя, что внутри государя?

— Кстати, если нынешний император скажет, что князь Мин угадал, то князь Мин согласится ещё раз проявить содействие? — Жун Тянь, обнажая красивую и сексуальную грудь, с серьёзным видом медленно опустился на юношу, придавливая.

— Тебе одного раза не достаточно? По-моему, тебе хочется этим заниматься целых восемь караулов [6].

— Цэ-цэ, князь Мин вновь угадал и достоин носить имя самого мудрого в Поднебесной. Даже Жо Янь, столкнувшись с Вами, сильно осрамится...

— Не нужно подлизываться, меня не обмануть дважды... Уа! Спасите! Помогите! Нг... У-ум...

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «в душе (в уме) иметь готовый бамбук (прежде чем начать рисовать его)», обр. в знач.: иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

[2] Обр. в знач.: ничего на свете не бояться, не знать страха.

[3] В оригинале фраза звучит как «могучий конь и золотой меч», обр. в знач.: величественно, с гордым видом.

[4] В оригинале фраза звучит как «у оружия не окровавлены лезвия», обр. о победе в знач.: легкий, бескровный; успешная операция, победоносный бой.

[5] Обр. в знач.: проявлять нерешительность, непостоянство.

[6] Отсылка к фразе «восемь караулов во дворце государя», т.е каждый час.

<http://bllate.org/book/13377/1190116>